

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд

Слушай
свое сердце

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд
Слушай свое сердце

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1997

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

Картленд Б.

Слушай свое сердце / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1997 — (На крыльях любви)

ISBN 978-6-1712-4148-0

Прекрасная Делла живет в поместье своего дяди Эдварда. Девушка обожает его лошадей и прогулки по окрестностям. Однажды дядя приносит ошеломительную весть: премьер-министр мечтает женить своего сына на Делле! Но девушка совсем не рада: этот молодой человек имеет плохую репутацию. Сэр Эдвард просит племянницу хорошенько подумать, ведь это хороший шанс для Деллы устроить свою судьбу. В это же время девушка знакомится с Джейсоном, сыном герцога. И понимает, что ее сердце принадлежит другому. По совету старой цыганки Делла начинает слушать свое сердце и... убегает из дому. Прекрасна Делла живе у маєтку свого дядька Едварда. Дівчина обожнює його коней і прогулянки по околицях. Одного разу дядько приносить приголомшливу звістку: прем'єр-міністр мріє одружити свого сина з Деллою! Але дівчина зовсім не рада: хлопець має погану репутацію. Сер Едвард просить племінницю добре подумати, адже це хороший шанс для Делли влаштувати свою долю. У цей же час дівчина знайомиться з Джейсоном, сином герцога. І розуміє, що її серце належить іншому. За порадою старої циганки Делла починає слухати своє серце і... тікає з дому.

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

ISBN 978-6-1712-4148-0

© Картленд Б., 1997

© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1997

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	7
Глава первая	8
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Барбара Картленд

Слушай свое сердце

Роман

Barbara Cartland

Follow Your Heart

© Cartland Promotions, 2013

© DepositPhotos.com / Tihon6, обложка, 2017

© Shutterstock.com / creativepro, Jiffy Avril, horiyan, UNIKYLUCKK,
обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и
художественное оформление, 2017

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд, скончавшаяся в мае 2000 года в возрасте девяноста девяти лет, по праву считается самым известным автором романов о любви. Она была самой плодовитой писательницей в истории, поскольку за год могла написать больше книг, чем любой другой автор, благодаря чему занесена в Книгу рекордов Гиннесса.

За свою жизнь она написала семьсот двадцать три книги, которые были переведены на тридцать шесть языков, и их общий тираж составил свыше миллиона экземпляров.

После ее смерти неизданными остались сто шестьдесят рукописей – больше, чем у какого-либо другого писателя.

Помимо романов о любви, из-под ее пера вышли исторические биографии, шесть автобиографий, театральные пьесы, практические пособия о жизни, любви, пользе витаминов и поваренные книги. Она также была политическим обозревателем и ведущей радио-и телепрограмм.

Свою первую книгу, «Ажурная пила», Барбара Картленд написала в двадцать один год. Книга стала мировым бестселлером и была переведена на шесть языков. Барбара Картленд продолжала писать всю жизнь, на протяжении семидесяти шести лет. Ее романы пользовались потрясающей популярностью в Соединенных Штатах Америки. В 1976 году ее книги заняли первое и второе места в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» – такого успеха не знал никто из авторов ни до, ни после нее.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни и навсегда запомнится нам своими чудесными романами о любви, которыми восторгаются читатели по всему миру.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь ее романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Всю жизнь я следовала зову сердца и могу с полной уверенностью сказать, что всякий раз оно оказывалось право.

Барбара Картленд

Глава первая

1878 год

Возвращаясь домой после верховой прогулки в лесу, Делла думала о том, как ей повезло.

Она обожала деревенскую природу, а весенний лес таил в себе особенное очарование.

Она чувствовала, что он преисполнен волшебства, которого ей так недоставало в повседневной жизни.

Объяснить себе эту загадку она не могла.

Поскольку она была единственным ребенком в семье, то и поделиться своими мыслями ей тоже было не с кем.

Ее родители, которые уже умерли, были настолько поглощены друг другом, что, хотя и обожали дочь, доступ в мир их любви ей был закрыт.

После того как ее отец погиб во время войны в Судане, Делла с матерью вели домашнее хозяйство в Лондоне, в особняке его брата, лорда Лейдена, министра иностранных дел Великобритании.

Соответственно, ему приходилось много времени проводить за границей, и потому он был счастлив тем, что его невестка и ее маленькая дочь поддерживают в его доме «тепло и уют», как он выражался.

Год назад, во время необычайно холодной зимы, мать Деллы умерла от пневмонии. Она не стала бороться за жизнь, поскольку единственным ее желанием было покоиться в мире со своим супругом.

Без нее Делле стало очень одиноко. Однако, как оказалось, на этом перемены в ее жизни не закончились.

Ее дядя решил, что настало время уйти на покой, поскольку бесконечные разъезды по странам Континента чрезвычайно утомляли его. Он был произведен в пэры и стал членом Палаты лордов, где и впрямь бывал время от времени, но с превеликой радостью поселился в деревне.

Только здесь он чувствовал себя как дома, а радость Деллы было невозможно выразить словами, ведь теперь она могла невозбранно ездить верхом.

Поскольку страсть к лошадям она унаследовала от отца, ей было позволено кататься на Роттен-роу, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что теперь она могла носиться галопом по окрестностям деревни.

Лорду Лейдену очень повезло в том, что еще в бытность министром иностранных дел он свел крепкую дружбу с герцогом Марчвудом. Они вместе учились в школе, но потом пути их разошлись.

Герцог унаследовал титул и небольшой участок земли во Франции, и потому старый друг оказался ему очень полезен.

А когда лорд Лейден захотел уйти на покой, герцог предложил ему дом в своем поместье в Гемпшире, к которому прилагалась сотня акров земли.

Поскольку сумма, запрошенная герцогом за дом, была чрезвычайно мала – в сущности, это был подарок, – лорд Лейден проникся к нему благодарностью.

Жизнь в деревне показалась Делле прекрасной! Герцог сказал ее дяде, что она может помогать в выезде его лошадей и кататься по поместью, которое раскинулось на площади в несколько тысяч акров.

В возрасте немногим более восемнадцати лет Делла должна была предстать перед королевой Викторией в королевском замке в Виндзоре.

Ей также полагалось бы посещать балы и прочие увеселения, устраиваемые для дебютанток в обществе.

Однако же, хотя дядя и сделал ей таковое предложение, она наотрез отказалась возвращаться в Лондон.

– Я с легкостью могу найти для тебя дуэнью, Делла, – настаивал он. – В обществе всегда есть дамы, оказавшиеся в стесненных финансовых обстоятельствах и потому готовые сопровождать дебютанток.

Делла ничего не ответила, и он продолжал:

– Как правило, это или сироты, подобно тебе, или же их родители по тем или иным причинам не могут позаботиться о них.

– Мне бы очень хотелось остаться в деревне, дядя Эдвард, – ответила Делла. – Еще никогда в жизни я не была так счастлива, как теперь, когда могу объезжать тех великолепных лошадей, которых его светлость держит в своих конюшнях.

Девушка со смехом добавила:

– Уверяю вас, они куда более забавны, чем те молодые люди, что приглашают меня на танец!

Лорд Лейден коротко рассмеялся, поскольку и ему хотелось остаться в деревне с племянницей.

Во-первых, он вознамерился прославить свой сад на все графство, а во-вторых, через его поместье протекал ручей, где можно было ловить форель.

Деревенская жизнь стала для него долгожданным отдохновением от суеты дипломатических обязанностей и бесконечных разъездов, из которых состояла жизнь министра иностранных дел.

С превеликой радостью он стал вести неспешный, размеренный образ жизни, в котором не было места для постоянных встреч и совещаний.

Кроме того, общество племянницы доставляло ему наслаждение, ведь он обнаружил, что она обладает острым умом. Поскольку они долгое время жили в Лондоне, девушка получила хорошее образование в одной из модных частных школ для девочек.

По его настоянию она овладела несколькими иностранными языками, а поскольку он занимался политикой, Делла проявляла несомненный интерес к тому, что происходило и в ее родной стране, и за рубежом.

Она получала истинное удовольствие от их долгих оживленных бесед, и лорд Лейден нередко ловил себя на том, что разговаривает с Деллой как с членами кабинета министров.

И вот сегодня утром грумы из особняка герцога – Вуд-холла – привели ей трех лошадей.

Делле предстояло выбрать, на какой она отправится на утреннюю прогулку. Все они были приобретены герцогом совсем недавно, и старшему груму не терпелось узнать, как они ходят под дамским боковым седлом.

У Деллы состоялся с ним обстоятельный разговор по поводу достоинств каждой из трех лошадей, и в конце концов она остановила выбор на гнедом жеребце, который показался ей более норовистым, нежели остальные.

– Я знаю, что вы справитесь с ним, мисс Делла, – сказал старший грум. – Но, сдается мне, было бы ошибкой скакать на нем, пока вы, так сказать, не познакомитесь поближе.

Делла расхохоталась.

– Уверена, что совсем скоро мы с ним станем лучшими друзьями. Но, разумеется, Грейер, вы правы, и я не стану заставлять его прыгать через препятствия, пока вы не сочтете, что я готова к этому.

Грейер, прослуживший у герцога много лет, улыбнулся ей.

Он знал, что она прекрасная наездница, тем не менее девушка всегда была настолько вежлива и предупредительна с ним, что спрашивала у него совета и прислушивалась к его мнению. Как он всегда говорил своей жене:

– Она совсем не такая, как эти надутые дамочки, что приезжают в Холл и думают, что знают все на свете лучше нас только потому, что мы, видишь ли, живем в деревне.

Поскольку он неоднократно выражал недовольство, его супруга лишь рассмеялась в ответ. Тем не менее она знала, что мисс Делла «ведет себя обходительно», что неизменно доставляло удовольствие всем слугам, имевшим с ней дело.

Делла галопом мчалась на выбранном ею жеребце, которого она нарекла Самсоном, пока он не перешел на рысь.

Затем она направила его в лес. Теперь он вполне слушался ее и трусил медленной иноходью, а она смотрела, как кролики забавно разбегаются впереди по поросшим мхом тропинкам, а рыжие белки взбираются вверх по стволам деревьев.

Над головой у нее пели птицы, и ей казалось, будто деревья шелестят листьями в такт их трелям.

«Разве можно мечтать о чем-либо более очаровательном?» – подумала она. Но вдруг, пересекая поляну, девушка увидела нечто совершенно неожиданное.

Это был брезентовый верх крытой цыганской телеги.

Она сразу же поняла, что румынские цыгане, навещавшие их каждый год, прибыли вновь.

Ей пришлось проехать чуточку дальше, прежде чем она наткнулась на тропинку, которая привела ее в поле, где они встали табором. С этими цыганами она познакомилась пять лет тому, еще до того, как ее дядя взял в аренду дом в поместье герцога, поскольку часто останавливалась с ним и своими родителями в Вуд-холле.

Цыгане всегда вызывали у нее восторг и недоумение, потому что были ничуть не похожи на всех остальных людей, коих она знала.

Она никогда не упускала случая поболтать с цыганами и даже пыталась выучить их язык.

И вот теперь она как-то позабыла о том, что именно в это время они всегда приезжали в Гемпшир. Собственно, в этом году они пожаловали даже чуть раньше обычного.

Эта семья называла себя Ли, и они были румынскими цыганами. Большую часть жизни они провели в Англии, но между собой говорили по-румынски и так и не избавились от акцента.

Обладатели блестящих глаз и очень темных волос, они были куда культурнее и воспитаннее тех цыган, которых Делла часто встречала на дорогах и которые продавали деревенским жителям прищепки для белья.

Выехав из леса на луг, она увидела, как, впрочем, и ожидала, что на нем встали табором пять повозок.

Ей казалось, что с каждым разом они становятся все красивее. Они стояли кругом, в центре которого горел костер, на котором тушилось кроличье рагу или что там еще они готовили себе на ужин.

Когда Делла подъехала к ним вплотную, вожак рода, Пирам Ли, уже встал, поджидая ее.

Он был высоким мужчиной лет шестидесяти с черными как вороново крыло волосами и приятными и правильными чертами лица.

Свою семью он держал в ежовых рукавицах. Другие цыгане, время от времени появляющиеся поблизости, но не имеющие родственных связей с семейством Ли, относились к нему с большим уважением.

Когда Делла оказалась рядом с ним, он поклонился и приветствовал ее:

– Добро пожаловать, Леди. Прибыв сюда вчера вечером, мы надеялись, что вскоре увидим вас.

– Я очень рада, что вы вернулись, – отозвалась Делла. – Как у вас дела? Разумеется, мне не терпится услышать, какие приключения вы пережили с тех пор, как мы расстались в прошлом году.

Остальные цыгане, заметив ее появление, потянулись на ее голос из своих крытых повозок.

Среди них оказалась и очень красивая девушка по имени Сильвайна, приходившаяся внучкой Пираму. Ровесница Деллы, она радостно подбежала к ней со словами:

– Как я рада видеть вас снова, Леди! Мы как раз говорили о вас, когда ехали сюда, и надеялись, что вы заглянете к нам.

– Разумеется, я бы непременно нанесла вам визит, если бы знала о вашем прибытии. Но так получилось, что я ехала верхом по лесу и увидела ваши кибитки. Как вы все поживаете?

К этому времени вокруг них собралась толпа.

Здесь был сын Пирама Лука и его племянник по имени Аврам; они были на два года старше Сильвайны. Они вступили в разговор, и из кибиток вышли их матери и отцы.

Они медленно приблизились к Делле, и когда та сочла, что здесь собрались все, кто приехал, то огляделась по сторонам и спросила:

– А где Ленди?

Ленди была старейшим членом семьи, матерью Пирама, и славилась гаданиями и предсказаниями.

Пирам покачал головой.

– Матери нездоровится, – пояснил он. – Она не может выйти из повозки. Но я уверен, что она будет чрезвычайно польщена, если Леди навестит ее.

– Разумеется, я повидаюсь с нею.

Делла попросила Аврама подержать ее коня и соскользнула на землю.

– Мне очень жаль, что вашей матери нездоровится, – обратилась она к Пираму. – Деревенские жители будут очень расстроены, если она не сможет предсказать им судьбу.

– Одному или двоим она погадает, – пообещал Пирам. – Мирели берет у нее уроки. Со временем из нее получится очень хорошая гадалка.

– Рада слышать. Будущее хотят знать все, а кто может предсказать его лучше цыгана?

– Действительно, кто? – поддакнул Пирам, и в голосе его прозвучало удовлетворение.

Они подошли к искусно разрисованной кибитке, которая, как помнила Делла, принадлежала Ленди.

Она поднялась по ступенькам и, поскольку дверь была открыта, наклонила голову, чтобы войти внутрь.

Ленди лежала на кровати, обложившись подушками. В обрамлении белоснежных волос ее темные глаза казались еще загадочнее. Завидев Деллу, она протянула к девушке руку.

– Леди пришла повидать меня! – воскликнула она. – Ты такая добрая.

– Мне очень жаль, что вы вынуждены оставаться в постели, дорогая Ленди. Что же мы будем делать, если вы не сможете предсказывать нам будущее?

Ленди коротко рассмеялась.

– Твое будущее я предскажу и без карт, Леди.

– И каково же оно?

– Ты обрешь... счастье.

На мгновение прикрыв глаза, Ленди заговорила голосом, который обычно использовала для предсказаний.

– Леди найдет... то, что ищет... но ей придется отправиться на поиски. И еще ее... ждет сюрприз.

Слова эти она произнесла очень медленно и, протянув руку, накрыла ею ладонь Деллы.

– Луна защитит тебя, – продолжала она. – Ты станешь бояться... но напрасно. У тебя есть... колдовство, которого не может быть... но оно уйдет.

Ее ладонь была очень, просто невероятно холодной.

Когда же старуха открыла глаза, они задорно блеснули – Делла поняла, что в этом теле еще теплится жизнь, и уверилась, что Ленди еще не умирает.

– Благодарю вас, – сказала она вслух. – Мне полагается позолотить вам ручку, но у меня нет при себе денег.

Старая цыганка хрипло рассмеялась.

– Меж друзей деньги не нужны. Ты, Леди, наш друг. Мы сделаем все... чтобы помочь тебе.

– Знаю, – негромко отозвалась Делла, – и я очень вам благодарна. Но вам нужно поберечься, Ленди, потому что без вас семья Ли станет совсем другой.

– Когда придет мое время, Леди, они справятся. Силы, которыми я владею... перейдут к другому члену рода.

– Я слышала, что им станет Мирели.

Ленди кивнула.

– Да, это правда. У нее есть сила, она внутри. И однажды она займет мое место.

– Это прекрасные новости, но при этом, Ленди, вы же знаете, как мы вас любим. Занять ваше место в наших сердцах другому человеку будет нелегко.

Старуха улыбнулась, и Делла поняла, что комплимент ей приятен.

Во время разговора с гадалкой Делла стояла рядом с ее постелью на коленях, а потом подалась вперед и поцеловала старуху в щеку.

– Я приду завтра, – пообещала она, – и принесу вам цветы из нашего сада и клубнику, которая только-только начала поспевать.

– Ты такая добрая, Леди... и доброта твоя будет вознаграждена!

– Если вам нужно еще что-либо, говорите без стеснения, – сказала Делла, направляясь к двери. – Полагаю, что теперь уже вся деревня знает о вашем прибытии, и они скоро придут сюда, чтобы просить у вас помощи и совета, в которых вы никогда им не отказывали.

– Теперь это будет делать... Мирели.

Цыгане уже распрягли своих коней и, стреножив их, пустили пастись на лугу за кругом повозок.

Большинство членов рода поджидали ее.

– Моя мать была очень рада видеть Леди, – неожиданно заговорил за ее спиной Пирам.

– Она сказала мне, что ее место займет Мирели, – но ведь это невозможно. Все настолько привыкли к ней, что, боюсь, деревенские жители никому не смогут поверить так, как верили ей.

– У Мирели есть дар, – отозвался Пирам. – Звезды научат ее всему. В семье дар не может иссякнуть.

Делла знала, что он старается дать ей понять, что в семье неизменно существует преемственность, которая не прервется никогда. Поневоле задумавшись над этим, она вспомнила, как слышала, что Ленди заняла место своей матери, которая тоже была знаменитой гадалкой в свое время.

Словно прочитав ее мысли, Пирам заметил:

– Линия рода не прерывается никогда. Так бывает со всеми Ли – когда у одного заканчивается земная жизнь, место занимает другой.

– Вы *так* мудры, – воскликнула Делла. – Но я надеюсь, что Ленди еще долго не покинет нас.

Пирам лишь развел руками, давая ей понять, что на все воля Божья.

Делла пожала руки двоим цыганам, с которыми не успела поговорить перед этим, и направилась к своему коню. Пирам шагнул рядом.

– Если вам что-нибудь нужно, дайте мне знать, Пирам. Мой дядя будет рад прислать вам яиц от наших несушек и овощи с нашего огорода.

– Леди очень щедра. Мы преклоняем колени у ее ног.

Пирам помог Делле подняться в седло, и девушка поблагодарила Аврама за то, что тот присмотрел за ее лошастью.

– Я вернусь к вам завтра, – пообещала она и ускакала прочь.

Цыгане махали ей вслед, пока она не скрылась в лесу. Она же ехала домой, думая о том, что дядя будет рад узнать, что семейство Ли снова прибыло к ним, и наверняка пожелает лично повидаться и поговорить с ними.

Подъехав к началу подъездной аллеи, она увидела, что ворота открыты, и задалась вопросом, уж не пожаловали ли к дяде гости. Девушке оставалось лишь надеяться, что визит этот не вызван какими-либо неприятностями, кои потребуют присутствия дяди в Лондоне.

Только в минувшем месяце премьер-министр дважды посылал за ним, и дядя чувствовал себя обязанным навеститься на Даунинг-стрит.

«Если ему вновь докучает мистер Дизраэли, – сказала себе Делла, – я очень рассержусь. В конце концов, дядя уже отошел от дел, и лорд Дерби, который занял его место, должен справляться сам».

Тем не менее она понимала, что на самом деле подобное поведение следовало расценивать как проявление заслуженного уважения. К услугам дяди прибегал не только премьер-министр, но и другие высокопоставленные чиновники, которые не чурались обратиться к нему за помощью, когда у них возникали проблемы.

Проехав поворот подъездной аллеи, Делла увидела, что у передней двери стоит роскошный экипаж, и даже с такого расстояния догадалась, кому он принадлежит.

Вся ее тревога моментально рассеялась.

В гости к дяде пожаловал не гонец из Лондона, а сам герцог из Вуд-холла.

Всю минувшую неделю он был в отъезде, и сейчас она вспомнила, что вернуться он должен был как раз вчера или позавчера. Собственно говоря, дядя ожидал посыльного из Холла с сообщением, что герцог желает видеть его.

В том, что герцог решил навестить своего лучшего друга, не было ничего удивительного – его супруга серьезно хворала и редко выезжала из дома. Сын его жил во Франции, а две дочери давно были замужем.

Хотя время от времени в Вуд-холле устраивали приемы, Делла знала, что герцог часто чувствует себя одиноким.

Пусть он и не обладал умом ее дяди, но по-прежнему оставался интеллигентным и разумным человеком. Он любил поговорить о серьезных вещах, не отказывая себе, впрочем, и в развлечениях.

И потому в том, что общество старого друга он предпочитал любому другому, не было ничего удивительного.

Разумеется, у герцога имелись многочисленные родственники, и кто-либо из них обязательно гостил в Холле. Но почти все они представлялись Делле исключительно скучными.

Она подозревала, что герцог разделяет ее чувства, и, поднимаясь по подъездной аллее, сказала себе: «Поскольку он уже здесь, то наверняка останется на обед. Значит, я должна предупредить кухарку».

Миссис Бестон уже много лет служила у ее дяди и всегда была готова по первому же требованию угостить его светлость кушаньями, которые особенно нравились ему.

У него было несколько любимых блюд, для приготовления которых, к счастью, не требовалось много времени.

Поскольку миссис Бестон пребывала уже в преклонных годах, то не любила, когда ее торопили.

«Пожалуй, надо поскорее выяснить, останется герцог на обед или нет», – сказала себе Делла.

Она пришпорила Самсона, направив его на конюшню.

– Как проехали, мисс Делла? – осведомился Грейер, беря Самсона под уздцы.

– Он мчался как ветер и вел себя как святой! У нас не будет с ним никаких проблем.

– Это пока вы ездите на нем, мисс. Мальчишкам на конюшне он доставляет изрядные хлопоты.

Делла улыбнулась.

– Он привыкнет и уgomонится.

Затем по вымощенному булыжником двору она поспешила к дому и вошла через дверь на кухню, надеясь отыскать миссис Бестон.

Кухонный потолок подпирали старинные балки, на которых висели утки и куры, связки лука и окрока.

– Доброе утро, миссис Бестон, – поздоровалась Делла, входя в помещение. – Полагаю, вы уже знаете, что у нас в гостях его светлость, и, поскольку уже без четверти час, я уверена, что он останется на обед.

– Так я и думала, мисс. Я уже высказала мистеру Стортону все, что говорила сотню раз прежде: почему меня нельзя предупредить заранее, что мы ожидаем его светлость, чтобы я успела приготовить его любимые блюда?

Делла уже много раз выслушивала подобные жалобы и потому лишь улыбнулась в ответ.

– Я уверена, миссис Бестон, что, несмотря на все неудобства, вы не подведете его светлость.

Кухарка не ответила. Многозначительно фыркнув, она отвернулась, чтобы помешать соус, который уже закипал на огне.

Делла вышла из кухни и побежала по коридору, выходящему в холл. Там она увидела дворецкого, Стортон, рядом с которым стоял молоденький ливрейный лакей. Его совсем недавно приняли на это место, и сейчас он проходил обучение.

– Полагаю, его светлость останется на обед, – заметила Делла, направляясь к лестнице.

– Нам пока еще никто ничего не говорил, мисс Делла, – ответил Стортон.

Делла поспешила к себе в комнату, зная, что дядя будет недоволен, если она будет сидеть за обеденным столом в костюме для верховой езды, пусть даже после полудня она вновь собиралась отправиться на верховую прогулку.

– Поскорее, Эмили, я уже опаздываю.

– У нас есть еще две минуты, мисс, которые понадобятся его милости, чтобы дойти из своего кабинета до столовой.

Делла хихикнула.

– Что бы ни случилось, дядя Эдвард войдет в столовую ровно в час пополудни. Он всегда говорил, что своим успехом обязан собственной пунктуальности.

Горничная не ответила, и Делла подумала, что девушка просто не поняла, что она имеет в виду. Собственно, это была старинная семейная шутка. Из-за того, что лорд Лейден неизменно являлся вовремя, он часто умудрялся извлечь выгоду из опоздания своих политических оппонентов.

Сбегая вниз по лестнице, Делла услышала, как старинные часы в холле отбивают час пополудни.

В следующее мгновение в коридоре, который вел к его кабинету, появился дядя.

Его сопровождал герцог.

Спрыгнув с последней ступеньки, Делла подбежала к ним.

– Я вернулась, дядя Эдвард, – запыхавшись, выпалила она, – вовремя.

Затем она присела в реверансе перед герцогом, который наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Как поживаешь, моя дорогая? Или я задаю глупые вопросы? – осведомился он. – Ты выглядишь прелестно, а румянец на твоих щеках подсказывает мне, что ты опять ездила верхом.

– Да, ездила, причем на одной из ваших лошадей, которую я настоятельно рекомендую как выдающуюся даже в вашей конюшне.

– Все это очень интересно, моя дорогая, и я должен сам опробовать новичка под седлом. Как его зовут?

– Очень подходящее имя – Самсон. Я всегда полагала, этот великий человек отличался не только силой, но и умом и обаянием, устоять перед которыми было невозможно, и эта похвала целиком и полностью относится к вашему жеребцу!

Герцог фыркнул и рассмеялся.

– Прекрасная рекомендация, каковую, я надеюсь, ты вскоре адресуешь какому-нибудь мужчине.

С этими словами он направился к передней двери, и Делла, к своему удивлению, поняла, что он уезжает.

– Но разве вы не останетесь на обед? – спросила она.

Герцог покачал головой.

– В Холле меня ждут люди. К счастью, обед назначен на половину второго пополудни, поскольку моя сестра приезжает из Лондона, так что я не опоздаю.

С этими словами он покосился на лорда Лейдена, и глаза его лукаво блеснули, как если бы он ожидал, что его обвинят в совершении тяжкого преступления, кое именовалось опозданием.

Затем герцог, приняв свою шляпу у лакея, обернулся и бросил на прощание:

– До свидания, Эдвард. Я с нетерпением буду ожидать твоего ответа на мой вопрос.

Лорд Лейден ничего не ответил и подошел к двери, проводив герцога взглядом к ожидающему его экипажу.

Лакей в роскошной ливрее захлопнул дверь кареты и взобрался на облучок, где уселся рядом с кучером.

Когда экипаж тронулся с места, герцог подался вперед и приподнял руку. Лорд Лейден помахал ему в ответ.

Карета быстро покатила прочь по подъездной аллее.

– А я была уверена, что он останется на обед, – вздохнула Делла.

– У него гостят важные друзья, – отозвался дядя, – но теперь мы не должны заставлять *наш* обед ждать.

И он быстро зашагал к столовой. Делла последовала за ним.

Она мельком подумала о том, каким же может быть ответ на важный вопрос герцога, но, не успели они сесть за стол, как дядя заговорил о другом.

Она решила, что речь шла о чем-то конфиденциальном, что не следует обсуждать в присутствии слуг.

Обед был великолепен, но Делла про себя подумала, что миссис Бестон будет разочарована тем, что герцог на него не остался.

Впрочем, ей было что рассказать дяде о своей верховой прогулке и о том, что цыгане вновь прибыли на поле близ Лонг-Вуда, где из года в год становились табором.

– Значит, они вернулись! – воскликнул лорд Лейден. – Это хорошо, и, разумеется, я непременно должен повидать их.

– Они будут крайне разочарованы, если вы этого не сделаете.

Делла рассказала дяде и о том, что Ленди прикована к постели недугом, и что Мирели учится всему, чтобы занять ее место.

Она знала, что дядя внимательно слушает, но при этом ее не покидало ощущение, что он думает о чем-то своем.

И это «что-то» его весьма беспокоило.

Ее мать была шотландкой – Делла думала, что она колдунья, и ребенком даже отмечала, что вокруг нее происходят некие таинственные события, которые никогда не случались с ее ровесниками.

Повзрослев, она обнаружила, что ей известно то, о чем взрослые предпочитали умалчивать или попросту не знали сами.

Иногда девушка ловила себя на том, что предчувствует то, что должно было произойти.

Впервые приехав в Вуд-холл, она ощутила присутствие в нем привидения раньше, чем ей рассказали об этом.

«Хотела бы я знать, что же так беспокоит дядю Эдварда», – размышляла она во время обеда.

Делла хорошо знала своего дядю. Ему не нужно было говорить ей о том, что он столкнулся с очередным политическим кризисом, – она сама догадалась по манере его речи. Хотя, быть может, от него в этот момент просто исходило что-то.

Она была рада тому, что к ним в гости пожаловал именно герцог, иначе могла бы заподозрить, что дяде вновь предлагают отправиться за границу. Скорее всего, куда-нибудь в Париж, Берлин или Амстердам, дабы уладить очередные международные разногласия, подобрать ключик к решению которых никто более не сумел.

Но именно визит герцога внес нотки дисгармонии в их налаженный быт.

Делла решила, что, вероятно, он приезжал, чтобы обсудить какой-либо семейный вопрос. Некоторое время тому разразился грандиозный скандал, когда племянник герцога влюбился в женщину, которая решительно не подходила ему по всем статьям. Впрочем, будь это обыкновенная *affaire-de-coeur*¹, никто бы и не подумал проявлять беспокойство.

Очень скоро досужие языки непременно начали бы обсуждать кого-либо еще, но тут герцог обнаружил, что его племянник всерьез собирается сочетаться браком с означенной особой.

Та была решительно настроена стать герцогиней, и герцог, разумеется, в отчаянии обратился к лорду Лейдену. Делла ничуть не удивилась тому, что ее дядя с присущим ему блеском и глубоким знанием людей сумел избавиться от этой женщины. Скандала, по крайней мере, удалось избежать.

И теперь она задавалась вопросом, уж не угодил ли кто-либо из родственников герцога в новые неприятности или же, напротив, не стряслось ли чего-нибудь дурного в самом поместье.

Но она видела, что, какой бы ни была причина, она серьезно обеспокоила дядю.

Девушка даже сказала себе, что герцог, отказываясь решать собственные проблемы самостоятельно, ведет себя не лучшим образом.

А ведь ее дяде Эдварду были так необходимы покой и отдых.

¹ *Affaire-de-coeur* (франц.) – любовная интрига, связь, похождение. (Здесь и далее примечания ред., если не указано иное.)

Он писал мемуары, которые Делле представлялись исключительно интересными. Ведь он был знаком с выдающимися политиками и побывал во многих удивительных странах. Вдобавок ко всему, он обладал сардоническим чувством юмора, что делало его воспоминания еще более занимательными.

Она нисколько не сомневалась, что его книга, будучи законченной, станет бестселлером. Правда, здесь возникала одна неувязка – дядя желал, чтобы все делалось мгновенно и по первому же требованию.

В том, что касалось написания книги, это было решительно невозможно, поскольку ему приходилось просматривать массу справочного материала и запоминать его.

Делла всей душой хотела помочь ему, но, увы, могла лишь подбадривать да хвалить его. Правда, она иногда еще и обращала его внимание на трудные для понимания пассажи.

Обед закончился быстро. В середине дня лорд Лейден обычно спешил поскорее разделаться с трапезой, предпочитая расслабляться по вечерам.

Когда им подали кофе, Делла поинтересовалась:

– Чем вы намерены заняться во второй половине дня, дядя Эдвард?

– Полагаю, что после того, что ты мне рассказала, я съезжу в табор, чтобы повидаться с семейством Ли, но сначала мне нужно поговорить с тобой, так что давай-ка пройдем в кабинет.

Ну вот, подумала Делла, сейчас она узнает, в чем заключается причина его беспокойства.

В голосе его прозвучали строгие нотки, и она решила, что проблема действительно серьезная. Ей даже захотелось, чтобы герцог вообще не приезжал к ним и не нарушал спокойствия их дома, что было особенно досадно, поскольку последние два или три дня дядя пребывал в исключительно приподнятом расположении духа.

Он только что закончил целую главу своей книги, и Делла полагала, что сегодня после полудня он продолжит работу, чтобы за ужином они могли обсудить написанное.

А он вдруг пожелал повидаться с цыганами чуть ли не до того, как они встанут табором на лугу. Он никогда не делал ничего подобного, и она не могла избавиться от мысли, что герцог сообщил ему нечто по-настоящему тревожное.

Они зашагали по коридору, и лорд Лейден положил руку девушке на плечо.

– Ты знаешь, как мне нравится твое присутствие, дорогая, – начал он. – Собственно говоря, ты принесла в этот дом солнечный свет, и он стал другим.

Делла удивленно взглянула на него.

– Как это мило, дядя Эдвард, что вы сделали мне такой изысканный комплимент, но я спрашиваю себя – почему именно сейчас?

Они подошли к двери его кабинета, и дядя убрал руку с ее плеча.

– Именно об этом я и хочу с тобой поговорить, моя дорогая Делла.

Они вошли в комнату.

Как Делла и ожидала, дядя остановился перед камином – как бывало всегда, когда он обсуждал что-либо важное. Зимой камин согревал и давал тепло, но сейчас в нем стояли цветы, своими яркими красками вносившие оживление в строгую атмосферу кабинета.

Делла опустилась в одно из кресел, стоявших перед дядей.

Глядя на него, она подумала, что, несмотря на возраст, он по-прежнему очень привлекательный мужчина. Чувствовалась в нем некая властность и значительность, чего, впрочем, следовало ожидать после стольких лет выдающейся карьеры.

Волосы его хотя и поседел, но все еще оставались густыми, у него не было даже намека на лысину.

Стоя на фоне великолепной картины Стаббса², на которой были изображены лошади, он выглядел именно так, решила она, как должен выглядеть истый англичанин, и даже в своем возрасте он дал бы фору многочисленным соперникам.

Хотя она уже сидела в кресле, лорд Лейден продолжал хранить молчание.

– Что вас беспокоит, дядя Эдвард? – негромко спросила Делла. – Не понимаю, почему его светлость должен докучать вам своими проблемами.

Лорд Лейден улыбнулся.

– Как тебе известно, моя дорогая, он рассчитывает, что я решу их вместо него. Но на сей раз одна из его проблем непосредственно касается *тебя*.

Делла изумилась.

– Касается меня! Но почему именно *меня* и в чем она заключается?

Воспоследовала долгая пауза, прежде чем лорд Лейден ответил:

– Джейсон вернулся домой.

² Английский художник и ученый-биолог, один из ведущих европейских художников-анималистов.

Глава вторая

Потеряв дар речи, Делла ошеломленно уставилась на дядю.

– Джейсон вернулся домой! – воскликнула она. – Но я *не верю* этому.

– Это правда, и я подозревал, что ты будешь удивлена.

– Я поражена до глубины души. Но почему он вернулся после стольких лет?

Они говорили о сыне герцога, графе Ранноке, который последние пять лет жил во Франции.

Джейсон всегда отличался некоторой беспутностью и даже вульгарностью.

Став старше, он, невзирая на мольбы отца и прочих родственников остепениться, наотрез отказался внять их совету. Поселившись в Лондоне, он проводил время в обществе самых флиртующих и сомнительных красавиц высшего света.

Затем он отправился в Париж, и рассказы о приемах, которые он закатывал, и женщинах, в честь которых он их давал, стали притчей во языцех для его родственников и друзей. Досужие языки из района Мэйфэйр неизменно выбирали его объектом для своих сплетен.

Пожалуй, один только лорд Лейден знал, насколько глубоко ранило герцога поведение его единственного сына и наследника.

Хотя он, разумеется, перепробовал все возможные способы, чтобы заставить Джейсона образумиться и вести себя более подобающим образом.

Разумеется, он предлагал ему жениться и обзавестись семьей.

В случае если Джейсон окажется глух и к этой просьбе отца, титул и поместье после смерти герцога перейдут какому-то дальнему кузену, который тоже был холостяком и почти ровесником герцога.

Казалось, что герцогство будет утеряно навсегда и графа Раннока ждет незавидное будущее, хотя титул вот уже несколько веков передавался из поколения в поколение со времени битвы при Азенкуре.

Сказать, что герцог гордился своей родословной, – значило не сказать ничего. Для него она была священной.

Он потратил всю жизнь на то, чтобы Вуд-холл и поместье процветали, и собрал всевозможные портреты своих многочисленных предков.

У герцога имелось множество родственников, но наследником по прямой линии был один только Джейсон.

А того с самого рождения преследовали неприятности.

Он рос угрюмым, раздражительным, болезненным ребенком, ставшим почти неуправляемым с годами. Когда его отправили в Итон, он вел себя там настолько дурно, что директор грозился отчислить его.

Как и следовало ожидать, стоило Джейсону появиться в обществе, как женщины стали осаждать его, домогаясь его титула и денег.

Однако же в качестве наперсниц он выбирал себе самых эпатажных и скандальных особ, и напрасно герцог умолял его уважаемых друзей приглашать сына на свои приемы и балы – тот наотрез отказывался их посещать.

Но даже если ему и случалось принять приглашение, вел он себя столь возмутительным образом, что те зарекались приглашать его впредь.

Так что в некотором роде все вздохнуло с облегчением, когда он покинул Англию, заявив, что Лондон ему прискучил, и купил дом в Париже.

Впрочем, слухи о его похождениях во Франции регулярно доходили на родину, и герцог не мог не слышать их.

Делла прекрасно знала, что герцог регулярно навещался к ее дяде, повествуя об очередной возмутительной выходке сына, причем временами, как ей казалось, он был готов расплакаться от отчаяния.

То, что Джейсон жил в постоянных долгах, не имело особого значения, поскольку герцог желал, чтобы он женился на какой-нибудь респектабельной молодой леди и принял на себя управление поместьем.

Ответ Джейсона был совершенно ясным и недвусмысленным.

Его не интересовала ни жизнь в деревне, ни тамошние развлечения.

На конных прогулках в Булонском лесу в Париже его сопровождали самые известные парижские кокотки, которых он подбивал на выходки еще нелепее тех, коими отличался сам.

Делла еще училась в школе, пока ее родители жили в Лондоне, и помнила, как родственники герцога шептались о Джейсоне в ее присутствии. Таким образом, рано или поздно она неизбежно узнавала обо всех его эскападах.

И сейчас она вспомнила, как три года тому, когда ей было всего пятнадцать, грянул гром.

Джейсон женился и сообщил об этом отцу только после того, как свадебная церемония состоялась, а герцог, узнав об этом, едва не умер от потрясения.

Ему стало известно, что Джейсон женился на женщине, пользующейся славой едва ли не самой отъявленной кокотки в Париже. Она уже успела побывать любовницей двух принцев и короля Нидерландов!

Когда лорду Лейдену сообщили об этом, он преисполнился подозрений.

Впоследствии выяснилось, что он был прав и что эта особа буквально вынудила Джейсона жениться на себе, домогаясь его титула и состояния.

Впрочем, не было никаких сомнений и в том, что он по уши влюбился в нее.

Тем не менее герцог полагал, что у Джейсона сохранилось достаточно порядочности, чтобы не марать честь семьи, но как же в таком случае он мог жениться на женщине, которую им будет стыдно поместить на фамильное древо?

Герцог желал во что бы то ни стало оправдать сына, но избежать гнева и неодобрения своих родственников, равно как и унижительной жалости друзей, было невозможно.

– Я ничего не могу сделать, – убитым голосом жаловался он лорду Лейдену.

– Ровным счетом ничего, – был ответ, – кроме как держать Джейсона подальше от Лондона и надеяться, что со временем все забудется.

– Подумать только, что однажды подобная особа станет хозяйкой Вуд-холла! Одна только мысль об этом сведет меня в могилу, – бушевал герцог.

У лорда Лейдена не нашлось слов, коими он мог бы утешить своего друга.

Семья герцога владела Вуд-холлом на протяжении вот уже пяти веков, и каждое поколение вносило в поместье свои усовершенствования, стремясь сделать его еще привлекательнее. Ныне оно считалось одним из самых знаменитых старинных домов в Англии, а его коллекция картин, мебели и серебра вызывала восхищение.

И женщина, на которой женился Джейсон, станет полновластной владычицей всего этого!

Более того, ее дети, если она сумеет произвести на свет потомство, станут немыслимым позором для семьи Марчвудов.

Все эти соображения промелькнули перед мысленным взором Деллы, прежде чем она поинтересовалась:

– Так почему Джейсон вернулся, дядя Эдвард?

– Его жена очень кстати скончалась, – отозвался тот, – и он извинился перед отцом за свое возмутительное поведение.

– Извинился! – воскликнула Делла.

– Думаю, правда заключается в следующем: после женитьбы на ней он пережил свой личный ад и теперь рад вновь стать свободным.

– Что ж, полагаю, что это шаг в правильном направлении, но мне представляется, что едва ли его раскаяние искреннее.

В голосе девушки прозвучал неприкрытый сарказм, потому что Джейсон никогда ей не нравился.

Разумеется, он был намного старше ее, но, еще будучи ребенком, она считала его крайне неприятной личностью.

Он не обладал привлекательной внешностью своего отца, а в последний раз, когда она видела его, обратила внимание, что разгульный образ жизни оставил отчетливые следы на его лице.

Он явно не спешил порвать с увлечениями молодости, кои растянулись на много лет, и она была уверена, что теперь, с годами, он стал выглядеть еще хуже.

К тому же ей было бесконечно жаль герцога.

Вслух же Делла сказала:

– Вы ничего не можете здесь поделать, дядя Эдвард, так что не расстраивайтесь из-за Джейсона, он того не стоит.

Воспоследовало долгое молчание, после чего лорд Лейден заметил:

– Герцог приезжал ко мне с одним предложением, кое он полагает блестящим решением этой проблемы.

– Даже не представляю, в чем оно может заключаться, – заметила Делла. – Хотя жена Джейсона и умерла, думаю, что он скоро найдет себе другую, которая едва ли будет лучше первой.

– Герцог уверяет меня, будто твердо уверен в том, что Джейсон говорит правду, когда заявляет, что его заставили жениться обманом. Он даже сообщил отцу, что желает заключить благопристойный брак и осесть в Холле.

– Если герцог верит ему, – отозвалась Делла, – то он большой оптимист.

– Он хочет верить ему и просит нас помочь Джейсону сдержать слово. Если он действительно намерен начать новую жизнь, то она будет в корне отличаться от той, которую он вел в прошлом.

– Я бы на это не рассчитывала, – язвительно заметила Делла. – И, говоря откровенно, дядя Эдвард, мне очень не нравится, что вы так переживаете и расстраиваетесь из-за Джейсона.

Голос девушки сочился презрением, когда она продолжила:

– Вам прекрасно известно, сколь отвратительно он вел себя, сколько горя причинил своим отцу и матери и скольких родственников довел до слез.

У нее возникло ощущение, что дядя не слушает ее, тем не менее она и не думала останавливаться:

– Одна из них сказала мне, когда мы последний раз были в Лондоне, что стыдится того, что Джейсон приходится ей кузеном. Судя по ее словам, она полагает, что люди нередко критически относятся к ней из-за того, что она может оказаться похожей на него.

– Я все понимаю, но герцог убежден в том, что Джейсон раскаялся, и, разумеется, ему очень хочется поверить собственному сыну.

– Ему очень повезет, если кто-нибудь еще разделит с ним эту веру, – заметила Делла.

Дядя метнул на нее внимательный взгляд, словно слова девушки прилипли к нему не по вкусу, и медленно проговорил:

– Нельзя отказывать в помощи тем, кто в ней нуждается. Герцог сделал нам предложение, к которому нам с тобой следует отнестись со всей серьезностью.

– В чем же оно состоит?

– Он сказал... что будет бесконечно доволен и счастлив, *если ты выйдешь замуж за Джейсона*.

После этих слов лорда Лейдена в комнате воцарилась мертвая тишина.

Не веря своим ушам, Делла во все глаза уставилась на него.

– *Выйду замуж...* за Джейсона! – выговорила она наконец. – Вы, должно быть, шутите. В конце концов, он годится мне в отцы!

– Через месяц Джейсону исполнится тридцать восемь, и если, как полагает его отец, он действительно раскаивается в своем непристойном поведении, то единственное, что может помочь ему, – это благоразумная и проницательная жена.

Делла окончательно потеряла дар речи.

Спустя несколько мгновений дядя заговорил вновь:

– Герцог всегда любил тебя, и сегодня он сказал мне, что ничто не доставит ему большего удовольствия, чем если ты станешь его невесткой.

– Неужели вы всерьез... верите в то... что я приму... подобное предложение? – запинаясь, выдавила Делла.

Собственный голос показался ей чужим и незнакомым.

– Я не видела Джейсона много лет, – продолжала она, – но он никогда мне не нравился. Судя по тому, что я слышала о нем, он достоин одного лишь презрения и станет последним мужчиной на свете... о котором я хоть на миг задумаюсь, что могла бы выйти за него замуж.

Голос у нее прервался.

Она так разволновалась, что вскочила и подошла к окну, где замерла, глядя невидящим взором в сад и не замечая ни красоты цветов, ни цветущих плодовых деревьев.

Перед ее внутренним взором встало испитое порочное лицо Джейсона.

Девушка вдруг вспомнила, как однажды убежала от него, чтобы спрятаться в своей спальне. Хотя нельзя было сказать, чтобы он пытался ухаживать за ней или обращал на нее внимание, поскольку тогда она была совсем еще ребенком.

Просто она всеми фибрами души ощущала, какой он мерзкий и испорченный, и потому не имела ни малейшего желания сталкиваться с ним лицом к лицу.

И теперь, стоя спиной к дяде, она чужим голосом произнесла:

– Мне очень жаль, дядя Эдвард, но вы совершенно ясно должны дать понять герцогу, что, на ком бы ни женился Джейсон, – это буду не я!

Дядя заговорил лишь после долгой паузы:

– Боюсь, что все не так просто.

Делла резко развернулась к нему.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, моя дорогая, что герцог страстно желает решить проблему именно таким образом. Он недвусмысленно дал понять мне, что полагается на нашу дружбу мы поможем ему, как он выразился, «спасти семейство Марчвудов».

– Это все прекрасно, – вспыхнула Делла, – герцог может быть вашим лучшим другом, но он не наш родственник. Разумеется, вы можете помочь ему, если это возможно, найти такую женщину, которая согласится терпеть Джейсона, – но это буду не я!

И вновь в комнате воцарилась тишина. Делла заметила выражение тревоги и беспокойства на лице дяди.

– Не принимайте это так близко к сердцу, дядя Эдвард. Вам жаль герцога, мне тоже, но Джейсон его сын, а не *ваш*.

– Я прекрасно понимаю, что ты хочешь сказать, Делла, но герцог ясно дал понять, чего хочет, и, как ни странно это может показаться, он рассчитывает на помощь и поддержку от нас обоих. Он весьма недвусмысленно намекнул, что за прошедшие годы мы многим ему обязаны.

Делла была поражена в самое сердце.

– Что вы имеете в виду, дядя Эдвард?

– Я получил этот дом так дешево, что, в сущности, это был почти дружеский подарок. Ты каждый день катаешься на его лошадях, а в его поместье нас принимают так, словно мы – члены его семьи.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Ты можешь приходить в Холл, когда тебе вздумается, и слуги его светлости выполняют твои распоряжения так, – подчеркнул он, – как если бы ты была его дочерью.

– Я не верю, что он мог сказать такое! – воскликнула Делла.

– На самом деле он сказал не только это, но и много больше. Он совершенно ясно дал понять, что если ты и я не поможем ему в этот самый важный момент его жизни, то он более не желает видеть нас обоих!

Делла обессиленно опустила в ближайшее кресло.

Девушка думала о том, что, скажи ей об этом кто-нибудь другой, а не ее дядя, она бы ему не поверила. Но он был джентльменом, который всегда говорил только правду, чем и заслужил подобное к себе уважение.

Делла слишком хорошо понимала, что будет, если они лишатся всех тех удобств, что предоставляло им поместье Марчвуд.

Дело было ведь не только в том, что она невозбранно ездила верхом на лошадях герцога по его же полям и лесам, но и в том, что домашняя ферма его светлости регулярно снабжала их маслом, молоком, сливками, яйцами, цыплятами и утками.

Стоило им только пожелать, как на обед у них появлялось мясо молодого барашка или ветчина домашнего приготовления.

Сейчас, когда задумалась об этом, она поняла, что Вуд-холл неизменно делал им сотни мелких одолжений, которые дядя принимал с благодарностью.

Но при этом они относились к этому так, словно имели на них полное право.

Делла всегда знала, что герцог, сталкиваясь с оппозицией в лице кого-либо из своих слуг или работников, способен показать себя жестким и решительным господином, но при этом он всегда любил ее дядю и ее саму, и она еще никогда не сталкивалась с этой стороной его натуры.

Но теперь он вознамерился во что бы то ни стало добиться своего, и она могла понять, почему он хочет, чтобы она вышла замуж за его блудного сына.

Он ведь прекрасно знал и, как только что справедливо заметил дядя, любил ее.

Понимала она и то, что любая женщина, на которой женится Джейсон, должна быть достаточно непреклонной и самостоятельной, чтобы заставить его сдержать данное им слово раскаяния.

И кого еще, кто обладал бы подобными достоинствами, мог бы отыскать герцог в сжатые сроки?

«Я ни за что не соглашусь на это», – сказала себе Делла, сознавая при этом, что дядя откровенно страшится будущего.

После своей отставки он не нажил состояния, но, как говорят в таких случаях, ни в чем не нуждался. Ему не было нужды тратить большие деньги на жилье и пропитание, да он и не стремился к тому роскошному образу жизни, который ему наверняка пришлось бы вести в Лондоне.

В сущности, он был счастлив здесь, в деревне, – очень счастлив.

Но это его счастье во многом зависело от герцога.

«Что мне делать? Что же делать?» – спросила себя Делла.

Дядя не сводил с нее глаз и спустя несколько мгновений заговорил:

– Разумеется, я сказал Ральфу, что не могу принять решение вместо тебя и что Джейсону придется самому добиваться твоего расположения.

– Вы имеете в виду, что он уже здесь?

– Сейчас он в Лондоне, где покупает себе новые наряды и, насколько я понимаю, пытается примириться с некоторыми членами семьи, с которыми не общался долгие годы.

– И он намерен приехать в Вуд-холл?

– Через три дня, когда отец отправит его сюда, на встречу с тобой. Или, если хочешь, мы можем вдвоем отправиться в Холл.

Делле очень хотелось сказать, что она не сделает ни того, ни другого, но девушка понимала, что в ее положении это означает биться лбом о стену.

Она оказалась достаточно проницательна, чтобы понять: дядя полагает, что брак с Джейсоном пойдет на пользу не только ей самой, но и герцогу.

В глубине души Делла сознавала, что он очень хотел бы, чтобы она стала герцогиней, заполучив в свое распоряжение Вуд-холл со всеми его сокровищами, да и о драгоценностях Марчвудов ходили легенды.

Она читала его мысли как раскрытую книгу – он думал об огромных конюшнях герцога с их великолепными лошадьми, на которых ей так нравилось ездить верхом.

Но неужели дядя полагал, что все богатства послужат ей компенсацией за расставание с детской мечтой о том, что она выйдет замуж только за мужчину, которого полюбит?

«Если это и детская мечта, – призналась себе Делла, – то она по-прежнему живет в моем сердце».

Она всегда верила, что когда-нибудь будет ехать верхом по лесу с любимым человеком.

Он тоже будет любить ее и поверит в те истории, что она рассказывала себе. Как и она, он поверит, будто гномы трудятся под землей, русалки живут в пруду, по ночам под деревьями танцуют феи, оставляя после себя на траве ведьмино кольцо.

И все ее фантазии будут иметь для него такую же ценность, как и для нее, и станут неотъемлемой частью их любви.

Она знала, как дорожили друг другом ее отец и мать, и сама верила в то, что однажды и она обретет такую же любовь. Любовь, которая поможет ей выдержать любые испытания только потому, что они будут вместе.

Они всегда будут жить в счастье и согласии во дворце или в лачуге, потому что будут противостоять миру вдвоем.

И разве может Вуд-холл со всеми его сокровищами компенсировать прикосновение мужчины, который был ей отвратителен?

Мужчины, который обрел дурную славу, являясь с самыми вульгарными и непристойными женщинами, которых только можно было найти в Париже и Лондоне.

«Я... не смогу этого сделать. Просто *не смогу!*» – сказала себе Делла.

Она знала, что дядя ждет от нее каких-то слов, но ждет не с нетерпением, а с отчаянием.

Она вновь поднялась из кресла и подошла к окну.

– Боюсь, дорогая моя, это известие стало для тебя настоящим шоком, – заговорил он, – но, разумеется, спешить с окончательным решением нет нужды. Однако герцог опасается, что Джейсон передумает и, если ему станет скучно здесь, может вернуться во Францию.

– Неужели он всерьез рассчитывает на то, – спросила Делла, – что Джейсон настолько раскаялся, что согласится провести остаток жизни... в деревне? Раньше подобные мысли отнюдь не вдохновляли его. И удовлетворится ли он одной женщиной после того, как привык развлекаться с дюжинами других?

– Герцог хочет верить в то, что Джейсон был честен, когда говорил, что покончил с прошлой жизнью. Его неудачный брак заставил его понять, каким он был глупцом, и, как я уже говорил, он хочет остепениться и обзавестись семьей.

Делле показалось, будто чья-то ледяная рука стиснула ее сердце, и она содрогнулась от отвращения.

– Что до меня, – заявила она дяде, – то я полагаю, что Джейсону весьма скоро прискучит тот образ жизни, который мы здесь ведем. И что тогда станет с его женой, кем бы она ни была?

– Тогда у нее, быть может, уже будут дети, чтобы компенсировать ей разлуку с мужем, но я полагаю, дорогая моя, что ты слишком уж далеко заглядываешь вперед. В данный момент нас должно волновать лишь то, что Джейсон искренне сожалеет о горе и несчастьях, которые принес своим родителям.

Он помолчал, и Делла с большим трудом сдержалась, чтобы не наговорить лишнего.

– Он согласился, – продолжал дядя, – что в прошлом водил знакомство с неподобающими особами, и теперь, после трех лет брака, не горит желанием увидеть кого-либо из них вновь.

– Горбатого могила исправит, – с горечью заключила Делла.

– Нам остается лишь молиться и уповать на то, что если ты действительно выйдешь замуж за Джейсона, – ответил дядя, – то окажешься достаточно умна, чтобы заставить его сдерживать данный им брачный обет и вести себя так, как подобает человеку в его положении.

– Раньше он подобного желания не демонстрировал!

– Это правда, но герцог убежден, что сейчас он раскаивается и стремится любым способом загладить свои прежние прегрешения.

Дядя сделал глубокий вдох, прежде чем продолжить:

– В конце концов, было бы не по-христиански, не по-дружески и уж, во всяком случае, не по-соседски отказать в помощи человеку, который всегда был так добр к нам, в столь важном и безотлагательном для него деле.

Делла обернулась и пошла к дяде.

– Говорите, что Джейсон возвращается через три дня? Я ничего не обещаю, дядя Эдвард, но мы пригласим герцога и Джейсона к нам на ужин.

По выражению лица дяди она поняла, какое облегчение он испытал, услышав ее слова.

– Я передам герцогу твое предложение, – сказал он, – и не сомневаюсь, что он будет чрезвычайно благодарен.

– Прошу вас дать ему понять, – быстро добавила Делла, – что я не беру на себя никаких обязательств и всего лишь даю согласие встретиться с Джейсоном, которого не видела много лет.

– Да. Да, конечно, – с некоторой даже брезгливостью отозвался дядя. – Это само собой разумеется. К тому же всегда остается шанс, что Джейсон просто не захочет жениться на тебе.

– Конечно.

Она постаралась, чтобы голос ее прозвучал уверенно – ей хотелось сделать дяде приятное, но при этом девушка прекрасно понимала, что герцог изо всех сил подталкивает сына к ней.

Можно было не сомневаться, что с точки зрения денег женитьба представлялась Джейсону весьма заманчивым выходом из положения. Она была уверена, что он явился домой обремененный многочисленными долговыми обязательствами, как всегда бывало в прошлом.

Герцог был богатым человеком, но Делла сама не раз слышала, как он признавался дяде, что если Джейсон будет продолжать в том же духе, то его ждет неминуемое разорение.

Все эти годы герцог, не желая давать пищу для пересудов и скандалов, исправно оплачивал долги сына. Кроме того, он из года в год повышал и без того немалое содержание, которое выделял своему беспутному отпрыску.

И теперь с изрядной долей цинизма Делла заключила, что одной из причин, из-за которых Джейсон мог вернуться домой, стала банальная нехватка наличных средств.

Дядя виновато смотрел на нее, и она поняла, что он стыдится, что просит ее принести эту жертву.

Она подошла к нему и поцеловала в щеку.

– Не волнуйтесь, дядя Эдвард, быть может, все будет не так плохо, как мы ожидаем. Не исключено, что тучи рассеются и унесут с собой Джейсона!

Дядя поневоле рассмеялся.

– Ты ведешь себя очень храбро, дорогая моя, и я восхищаюсь тобой. Я понимаю, что прошу слишком многого от девушки в твоём возрасте.

Вздыхнув, он продолжал:

– Но ты всегда была умна не по годам и потому, я уверен, отдаешь себе отчет, в сколь затруднительном положении мы оказались.

– Я действительно все понимаю, дядя Эдвард, и обещаю подумать над тем, что тут можно сделать, но сейчас... мне очень нелегко... увидеть луч надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.